

КОРОТКО О КНИГАХ

Расков Н. В. Переходная экономика России: Экономика кривых зеркал. СПб.: Издат. дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2006. — 280 с.

Вышла в свет новая книга д-ра экон. наук, проф. факультета менеджмента СПбГУ Н. В. Раскова, посвященная исследованию макроэкономической среды (уровни и динамика цен, процентных ставок, валютного курса и налогов) в переходной экономике России. В центре исследования — обменный курс рубля и курсовая политика российских властей. Такая установка вызвана тем, что макроэкономическая среда, денежно-кредитное хозяйство и экономическое развитие в современной России складываются под сильным влиянием валютных отношений и зарубежного спроса.

Принципиальная точка зрения автора состоит в том, что в течение многих лет российские власти проводят политику заниженного обменного курса рубля по отношению к паритету покупательной способности (ППС), и это многое объясняет. То, как конкретно проводилась эта политика и к каким последствиям вела, Н. В. Расков убедительно, со знанием денежно-валютных и других макроэкономических процессов, показывает в трех главах (из шести). В частности, автор подчеркивает, что положительное сальдо торгового баланса, достигаемое с помощью политики заниженного обменного курса рубля (с. 223), провоцировало долларизацию экономики и создавало эффект импортируемой инфляции, которую приходилось компенсировать стерилизационными мерами (с. 53, 27), ограничивало объем ресурсов для инвестирования и вызывало рост процентных ставок (с. 225–226). Заниженный курс рубля поддерживался постоянным оттоком валютных ресурсов за рубеж, избыточными валютными резервами государства и использованием иностранной валюты как средства сбережения и кредитования (с. 22, 50) и в конечном счете больше подавлял импорт, нежели поощрял экспорт (с. 29).

Все это позволяет обосновать один из итоговых выводов исследования: заниженный обменный курс рубля во многом является результатом целенаправленной деятельности российских властей (с. 26), и такая курсовая политика приносит экономике чистый вред (с. 226); она выгодна экспортерам, но невыгодна всему народному хозяйству (с. 34). В результате такой политики в стране сложилась, по мнению автора, экономика заниженного валютного курса (или экономика кривых зеркал), которая характеризуется хроническим неравновесием известных макроэкономических параметров (с. 232).

Другой принципиальный вывод заключается в том, что рубль необходимо укреплять (пока он не сравняется с курсом по ППС). От этого, по мнению автора, повысится покупательная способность рубля на отечественные и импортные товары, снизится уровень инфляции, усилится приток капитала из-за рубежа, в страну придут импортные

технологии и зарубежный опыт, необходимые для модернизации промышленности и т. д. Н. В. Расков положительно воспринимает перспективу сокращения чистого экспорта, несмотря на то, что в результате доходы экспортеров и налоговые поступления в госбюджет снизятся (с. 234), экспорт нефти (надо полагать, и других сырьевых товаров) станет убыточным (с. 239).

Необходимо подчеркнуть, что, как и предыдущие работы автора, новую монографию отличают глубина анализа, четкая аргументация и ясность изложения своей позиции. Логические схемы, в которых обосновываются фундаментальные положения и выводы, выглядят вполне убедительно. (Подобная точка зрения разделяется и другими специалистами, в том числе и цитируемыми автором чиновниками Минэкономразвития.)

Вместе с тем, как нам представляется, Н. В. Расков не придает значения или упускает из своего анализа ряд важных моментов, без учета которых макроэкономическая роль обменного курса кажется чрезмерно завышенной, а денежно-курсовая политика — преувеличенной. В частности, автор обходит вниманием анализ роли валютного курса в системе макроэкономического регулирования (политика «реальных целей» или «номинального якоря») и типа валютного режима (с точки зрения степени его рыночности). Из теории известно, что политика «реальных целей» предполагает использование номинального валютного курса вместе с другими инструментами экономической политики для достижения поставленных целей. В этом случае оценка того, является ли курс завышенным или заниженным, на самом деле зависит от конкретной ситуации. Если же валютный курс используется в качестве «номинального якоря» для ограничения темпа инфляции, то денежно-курсовая политика берет на себя определенные обязательства и, с учетом этих обязательств, влияет на бюджетную политику.

В России валютно-курсовая политика напоминает политику «номинального якоря», причем в режиме квазификсированного валютного курса. Поэтому, поскольку, с одной стороны, инфляция в значительной мере носит немонетарный характер, Центральный банк не в состоянии контролировать ее темп. С другой стороны, поддерживая режим управляемого валютного курса, денежные власти не могут влиять на внутреннее равновесие ($S-I$), оставляя его регулирование бюджетной политике. Одновременно фискальная политика воздействует на динамику валютного курса, причем масштабы ее влияния зависят от степени мобильности капитала: при высокой мобильности капитала, которая существует в российской «малой открытой экономике», положительное (отрицательное) сальдо торгового баланса может перекрываться отрицательным (положительным) сальдо счета движения капитала. Для погашения возникающих колебаний валютного курса ЦБ вынужден скупать (продавать) инвалюту и регулировать таким ограниченным образом денежную массу.

Колебания валютного курса действительно влияют на торговый баланс, однако то, насколько изменяются объемы экспорта и импорта, зависит от эластичности спроса и предложения на конкретный товар. Последствия изменения курса для потоков капитала вообще оценивать сложно. Те потоки, которые связаны с финансированием торговых операций, зависят от изменений экспорта и импорта; другие виды потоков капитала (долгосрочные кредиты, прямые иностранные инвестиции) непосредственно с валютным курсом слабо связаны. К примеру, на межстрановые потоки портфельных инвестиций влияют, прежде всего, различия в доходности активов в разных странах и фактор риска.

Конечно, политика государства, отражая интересы тех или иных «групп влияния», может многое, в том числе и влиять на равновесие в экономике. Однако не следует забывать, что наш чистый экспорт был и остается в обозримом будущем функцией спроса

мировой экономики и, соответственно, мировых цен на сырье и энергоносители, а обменный курс рубля следует динамике соотношения доллар — евро. Что касается ППС, то данная концепция служит больше аналитическим инструментом, нежели критерием для практического определения (расчета) равновесного валютного курса. Для того чтобы действовал «закон единой цены», нужна согласованность динамики внутренних цен разных стран в долгосрочном периоде, причем по всему кругу товаров и услуг — тех, которые обращаются на мировых рынках, и тех, которые не являются предметом международной торговли. Считается, что ППС служит ориентиром для долгосрочных прогнозов валютного курса больше для развитых стран (с более высокой производительностью труда и т. д.), чем для стран с развивающимися рынками (примером может служить Китай, валюта которого занижена уже много лет).

Вспомним, что к концу существования СССР курс рубля к доллару был завышен относительно ППС (примерно в три раза), существовало множество специальных обменных курсов в торговле с рядом стран (СФРЮ, Индия, Вьетнам и др.), при этом валютные резервы приближались к нулевой отметке и внешняя задолженность росла. Являлось ли такое положение в валютной сфере признаком хронического неравновесия? В свое время В. В. Леонтьев отмечал, что состояний равновесия в экономике может не быть вовсе или их может быть несколько. В последнем случае должно быть устойчивое или неустойчивое равновесие, т. е. «такое, в котором система при отсутствии каких бы то ни было изменений ее внутренней структуры и даже малейших изменений исходных условий может существовать бесконечно, но из которого она выйдет при малейшем толчке» (*Леонтьев В. В. Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика. М., 1990. С. 179*).

Конечно, автор понимает, что есть проблема равновесия, детерминируемого отдельными макроэкономическими показателями (в частности, валютным курсом), а есть равновесие более высокого порядка. В специальной главе «Институциональные изменения и проблемы развития российской экономики» проводится связь между экономической политикой и институциональной средой, сложившейся в России в 2000-е годы. Здесь много говорится о неэффективности институтов; о недемократическом устройстве государства, где авторитарная исполнительная власть, несмотря на свою слабость, успешно формирует субъективную социально-экономическую реальность; о высоком уровне концентрации власти и собственности (олигархический капитализм), ограничивающем политическую и экономическую (рыночную) конкуренцию, и т. д. Все это хорошо известно, хотя и не разделяется (по идеологическим или конъюнктурным соображениям) многими экономистами и политологами.

В последние годы бесконтрольная власть, прикрываясь государственным интересом, последовательно проводит курс на неогоскапитализм, подчиняя своему контролю высокодоходные активы и допуская в эксклюзивном порядке иностранных инвесторов. Тем самым расширяются возможности для поиска ренты и одновременно сужается поле для политической и экономической конкуренции. Одновременно существует другая экономика, представленная малым и средним бизнесом. Этот сектор, который в цивилизованных странах «делает погоду» в экономическом (инновационном) и социальном плане, мало интересует государство (чего нельзя сказать о многочисленных контролерах от региональных и местных властей) и на протяжении десятилетия никаких не может выйти за пределы 10% ВВП.

Такая разобщенность, культивируемая современной властью, и формирует пресловутую экономику кривых зеркал, которую Н. В. Расков связывает с неверной политикой валютного курса.

Нет сомнений, что новую книгу Н. В. Раскова воспримут с интересом и пользой все, кто интересуется макроэкономической и институциональной проблематикой, и она будет способствовать развитию дальнейших исследований в данной области.

И. М. Рисованный,
канд. экон. наук, доцент